

Шевелева С.В.

*Юго-Западный государственный
университет (г. Курск, Российская
Федерация), декан юридического
факультета, кандидат юридических наук,
доцент*

ПРЕДЕЛЫ ПРИНУЖДЕНИЯ В РАЗВИТИИ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

В последнее время наблюдается тенденция рефлексивного способа реализации российской уголовной политики, складывающейся ввиду спонтанного реагирования на криминологическую ситуацию, путем введения в уголовное законодательство новых норм, как правило, усиливающих в той или иной мере уголовную ответственность, когда совершается ряд преступлений, получивших по той или иной причине большой резонанс в прессе и общественном сознании.

Достаточно назвать несколько примеров. Когда в г. Москве были совершены ряд громких преступлений сотрудниками ОВД (убийство 2-х и ранение семи человек в ТЦ «Остров» майором милиции Д. В. Евсюковым, расстрел водителя снегоуборочной машины подполковником А. Мауриным и т.д.) законодатель ничего не придумал лучше как ввести пункт «о» в ст. 63 УК РФ, в соответствии с которым совершение умышленного преступления сотрудником органов внутренних дел, является отягчающим наказанием обстоятельством.

В связи с чем возникает ряд вопросов. Почему только сотрудник ОВД? Если законодатель преследовал цель усиления ответственности лицам, наделенных особым правовым статусом, в обязанности которых входит поддержание правопорядка, предъявляя к ним повышенные требования, то почему столь ограниченный круг? Почему работники прокуратуры, следственного комитета и других правоохранительных структур остались «обделенными» вниманием законодателя? Какая необходимость усиливать уголовную ответственность сотрудника ОВД, путем

введения указанного пункта в ст. 63 УК РФ, если в арсенале уголовного законодательства более чем достаточно средств и способов усилить наказание ввиду особого положения преступника – начиная с квалифицирующих признаков, оперирующихся терминами «служебное положение» и т.п., заканчивая «вилкой» наказаний в любой санкции статьи Уголовного кодекса, позволяющей учитывать все обстоятельства дела, в т.ч. и характеристику личности виновного?

Мы не говорим, что преступление, совершенное сотрудником правоохранительных органов не должно выделяться уголовным законом. Действительно, представитель власти – «лицо» власти. Преступления, совершаемые сотрудниками правоохранительных органов, изначально призванными стоять на страже законных интересов граждан, общества и государства, подрывают авторитет как системы отправления правосудия, так и государства в целом. Эти обстоятельства, в свою очередь, дестабилизируют функционирование органов власти и управления и способствуют формированию правового нигилизма у граждан.

Но о повышенной уголовной ответственности следует вести речь лишь в случае совершения преступления в связи с обладанием служебными полномочиями. Какое значение имеет то обстоятельство, что виновный является сотрудником ОВД, если преступление было совершено, к примеру, на бытовой почве без использования служебных полномочий, табельного оружия и т.п.? Мы уже не говорим о том, что п. «о» ч.1 ст.63 УК РФ вступает в полное противоречие с принципом равенства всех перед законом (ст.4 УК РФ), в соответствии с которым лица, совершившие преступления, равны перед законом и подлежат уголовной ответственности независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения (выделено автором).

Относительно наличия смертной казни в системе наказаний так же нет последовательности. Дискуссия вокруг смертной казни существует столько, сколько существует цивилизованное человечество. Какое бы решение не принимали государственные органы

по данному вопросу, будут всегда находиться как сторонники, так и противники применения смертной казни, имеющие свои вполне аргументированные доводы. Позволим привести себе собственные соображения по данному вопросу. Целью исследования не ставится выяснение чья же позиция более убедительна – сторонников или противников. Криминологи указывают, что наличие (отсутствие) смертной казни в системе наказания никоим образом не влияет на изменение преступности в целом. Если проанализировать личности тех преступников, которым была назначена смертная казнь в качестве наказания, становится очевидным следующее: это либо лица с психическими аномалиями, не исключаяющими вменяемость, говоря простым языком – маньяки; либо лица, выбравшие себе убийство в качестве профессии, т.е. киллеры. Разумеется, правило не существует без исключений, но последние, как известно, подчеркивают правоту сказанного.

В современной России большинство населения убеждено, что без жестокости нельзя справиться с преступностью, что смертная казнь должна существовать и применяться в качестве наказания. Более того, события, потрясающие население России с периодичностью в полгода (террористические акты в Москве, на Северном Кавказе, в Волгограде) дают новую «пищу» для дискуссий о применении смертной казни в РФ. Такая точка зрения в большей мере основана на эмоциональной перенасыщенности, желании достичь справедливости, а дефицит специальных знаний и компетентности приводит к наивной вере в эффективность максимальной жестокости. Думается, ни в психологическом, ни в культурном отношении российское общество к отмене смертной казни не готово.

Однако, в рамках данного исследования нам бы хотелось проанализировать вопрос о приостановлении применения смертной казни с позиций политических изменений, произошедших в конце XX - начале XXI века в России и позиции нашего государства на мировой политической арене.

За все время существования Российского государства и права вопрос о применении смертной казни решался исключительно

с политических позиций. Смертная казнь же использовалась для устрашения и совершения акта возмездия, но не как справедливая мера наказания за совершение особо тяжких посягательств на жизнь человека. Как известно, решение о приостановлении применения смертной казни в качестве наказания в конце 90-х годов прошлого столетия было продиктовано требованием Совета Европы при вступлении в него Российской Федерации в 1996 году. Россия подписала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г., где указано, что правительства, подписавшие данную Конвенцию, являются членами Совета Европы. Однако, протокол № 6 к данной Конвенции, в котором регулируется вопрос о неприменении смертной казни на сегодняшний день подписан, но не ратифицирован.

Указом Президента РФ № 724 от 16 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы» было рекомендовано палатам Федерального Собрания Российской Федерации ускорить принятие Уголовного кодекса Российской Федерации, Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации и рассмотреть вопрос о сокращении составов преступлений, за совершение которых может быть назначена смертная казнь. В результате ныне действующий Уголовный кодекс РФ 1996 г. содержит пять составов преступлений, за которые может быть назначена смертная казнь. Более того, количество казненных за три последующих года после вступления России в Совет Европы существенно возросло. Если в начале 90-х годов прошлого века приговоры приводились в исполнение не более чем в отношении 100 человек, то в 1996 году было расстреляно 114, приговоренных к смертной казни, в 1997 г. – 129, в 1998 году – 137 осужденных.

Столь «медленные» шаги в решении вопроса, о якобы «упразднении» смертной казни, привели к тому, что в Совете Европы был поставлен вопрос об исключении Российской Федерации из Совета Европы. Предлагалось также наложить штрафные санкции за несоблюдение Россией «правил игры».

В результате Постановлением Конституционного Суда РФ от 02.02.1999 N 3-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно - процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан» было принято фактически политическое решение, суть которого сводится к невозможности назначения смертной казни до тех пор, пока повсеместно в Российской Федерации не будет введен суд присяжных. Такое решение удовлетворило всех.

С 1 января 2010 года суд присяжных начал функционировать во всех субъектах Российской Федерации (последним субъектом, где отсутствовал суд присяжных, была Чечня). Данное обстоятельство породило новый всплеск дискуссий по вопросу смертной казни.

19 ноября 2009 г. Конституционный Суд РФ решил, что в России должен быть сохранен мораторий на смертную казнь вплоть до ее законодательной отмены. Таким образом, на наш взгляд, было принято достаточно половинчатое решение по данному вопросу. Дело в том, что только Конституционный Суд РФ своими решениями может признавать ту или иную норму не соответствующей Конституции РФ, а, следовательно, такая норма не может применяться. Однако, ст. 58 УК РФ (Смертная казнь) не была признана несоответствующей Конституции РФ. Поэтому юридически смертная казнь существует, а фактически – нет.

Позволим себе предположить, что такое решение Конституционного Суда РФ неслучайно. С одной стороны, такое решение КС РФ позволяет оставить смертную казнь в системе наказаний, с другой стороны, КС РФ дал таки образом, понять, что «мнение запада» у нас в чести.

Однако, анализ международных нормативных актов позволяет утверждать, что в них нет прямого и беспелляционного запрета на смертную казнь.

Позволим себе привести текст ст.2 Конвенции целиком:

«1. Право каждого лица на жизнь охраняется законом. Никто не может быть умышленно лишен жизни иначе как во исполнение смертного приговора, вынесенного судом за совершение преступления, в отношении которого законом предусмотрено такое наказание.

2. Лишение жизни не рассматривается как нарушение настоящей статьи, когда оно является результатом абсолютно необходимого применения силы:

- а) для защиты любого лица от противоправного насилия;
- б) для осуществления законного задержания или предотвращения побега лица, заключенного под стражу на законных основаниях;
- в) для подавления, в соответствии с законом, бунта или мятежа».

В статье 1 Протокола № 6 сказано: «Смертная казнь отменяется. Никто не может быть ни приговорен к этому наказанию, ни казнен». Государствам-участникам в соответствии со статьей 2 разрешено введение смертной казни за преступления, совершенные во время войны либо в условиях, когда грозит ее приближение (выделено автором).

Подводя итог сказанному, следует сказать, что в противовес рефлексивному способу реализации уголовной политики, должен формироваться нормативный тип формирования, который характеризуется рациональностью, обоснованностью, продуманностью. Его отличает знание реальной обстановки.

Для успешной реализации уголовной политики в первую очередь должны быть выделены приоритетные направления борьбы с преступностью. И это объективная реальность. Система наказаний должна быть сбалансированной и удовлетворяющей потребностям общества во всех случаях, иными словами она должна быть соразмерной по отношению к совершенному

деянию, а также личности виновного. Не может уголовное право служить сиюминутным требованиям состояния дел! Должна существовать концепция уголовной политики, о которой не устанут напоминать ученые-криминалисты, философы и социологи. Мы должны стремиться к реализации принципа-идеала – неотвратимость наказания, а не его усиления. Как метко заметил А.Э. Жалинский: «Развитие уголовного права должно быть на основе понимания его природы направлено на смягчение этих противоречий (имеется ввиду: действительные задачи и возможности антисоциального использования, необходимое состояние формы и содержания уголовного права и искажающие его предписания, негативные последствия и полезность использования) и оптимизацию уголовного права в интересах государства и общества. Для этого не годятся призывы к усилению ответственности: нужен инструментальный анализ, оптимизирующий различным образом использование возможностей уголовного права. Игнорирование сущностных черт уголовного права, его реалий способно привести к его трансформации в разрушающую силу» [7].

1. Бибик О. Н. Влияние культуры на уголовную политику // *Вестник Омского университета. Серия: Право.* – 2007. – № 4. – С. 155-160.
2. *Юридическая энциклопедия / Отв. ред. Б. Н. Топорнин.* – М.: Юристъ, 2001. – 1112 с.
3. Лесников Г. Ю. К вопросу о понятии уголовной политики // *Российский следователь.* – 2005. – № 6. – С. 26-27.
4. *Федеральный закон от 23.12.2010 № 387-ФЗ «О внесении изменений в статью 22.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Трудовой кодекс Российской Федерации»* // *Российская газета.* – 27.12.2010. – № 293.
5. *Например, уголовное дело по обвинению В. Макарова по п. «б» ч.4 ст. 131 УК РФ* // <http://www.1tv.ru/news/crime/180825>.
6. *УК РСФСР в ред. закона РФ от 18.02.93 N 4510-1* // *Ведомости ВС РСФСР.* – 1962. – N 29; ст. 449; 1980, N 20, ст. 535
7. Жалинский А. Э. *Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А.Э. Жалинский.* – 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.